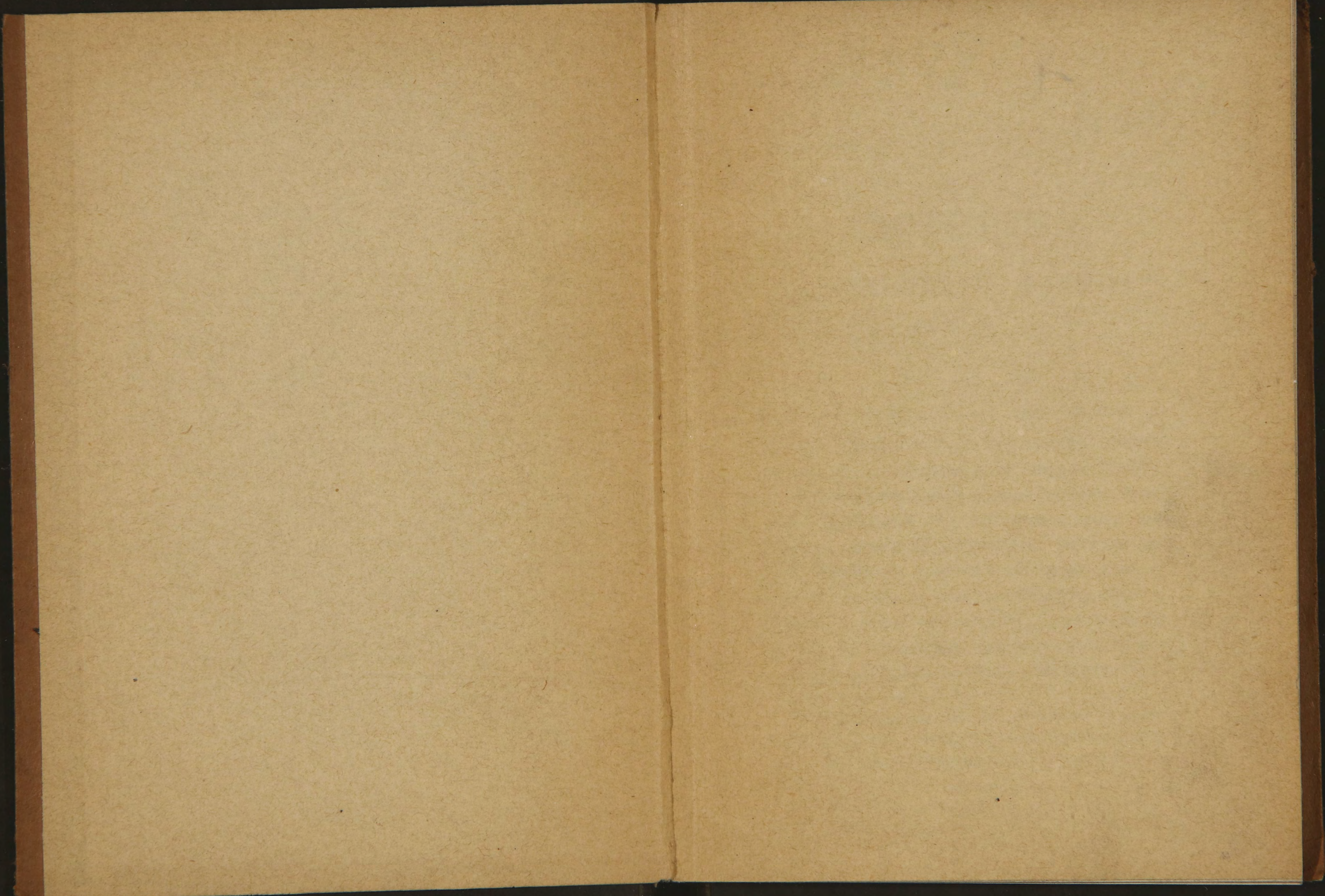

11308.

S. A.

K

12884 1308 Заблуда
К
Лавина

ИСТОРИЯ

ТАМОЖЕННАГО ТАРИФА

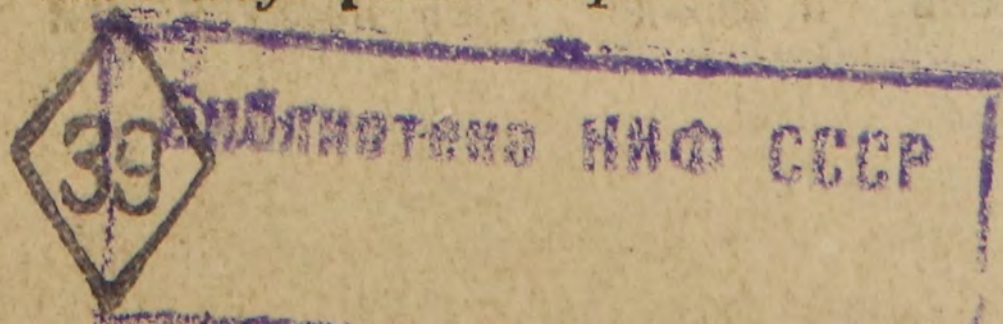
ВЪ ПРУССІИ (*).

Je ne suis qu'un simple narrateur...

Таможенная реформа въ Пруссіи принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя послѣ Іенскаго пораженія и Тильзитскаго мира подняли въ ней народный духъ и остаются до сего времени однимъ изъ главныхъ основаній политическаго, экономическаго и умственнаго развитія этого государства.

Преобразованія начаты при Штейнѣ въ 1807 г. эдиктомъ (отъ 9-го октября), установившимъ свободу пользованія поземельною собственностію и отмѣнившимъ крѣпостное право и вотчинную зави-

(*) Настоящая статья есть отрывокъ изъ приготавливаемой въ печати, — исторіи финансовъ главныхъ государствъ Европы въ XIX столѣтіи.

72558

симость; они продолжались и съ удаленіемъ Штейна (въ 1808 г.), въ томъ же духъ, сначала Доною, а потомъ Гарденбергомъ. При вступленіи послѣдняго въ должность государственнаго канцлера, эдиктомъ, обнародованнымъ въ октябрь 1810 года, была установлена программа новой податной системы; за основаніе этой системы принималось равенство всѣхъ подданныхъ Пруссіи въ отношеніи налоговъ, уничтоженіе всякихъ изъятій и монополій и полная свобода промышленности; было объявлено, что правительство никогда не отступитъ отъ этихъ началъ, ибо его величество король признаетъ ихъ лучшими и наиболее полезными для блага его народа. Вслѣдъ за тѣмъ положено было уничтожить различіе въ податяхъ между городами и селеніями, установить общую подать съ потребленія (мяса, муки, еива и вина), отмѣнить всѣ прежніе разнообразные внутренніе сборы, и между прочимъ, заставный сборъ въ городахъ; наконецъ, излагались *основанія упрощеннаго тарифа* на привозимые изъ заграницы товары, но развитіе этихъ основаній отлагалось до прекращенія континентальной блокады.

Приведеніе въ исполненіе изложенныхъ мѣръ требовало времени, а между тѣмъ наступившая

война Наполеона съ Россією въ 1812 г. потребовала новыхъ жертвъ отъ Пруссіи, уже истощенной недавнимъ разгромомъ и контрибуціею въ пользу Франціи. Наслѣдственная привязанность народа къ монарху, поддерживавшаяся прогрессивнымъ законодательствомъ 1807 — 1812 года, заставляла народъ терпѣливо сносить тягости, въ надеждѣ скорого ихъ облегченія. Надежды эти необходимо было осуществить. И потому, по заключеніи общаго мира въ 1815 г., прежде всего выдвинулся вопросъ объ организаціи финансовъ вообще и системы податей въ особенности.

Въ провинціяхъ, составлявшихъ Пруссію до 1815 года, уже были отмѣнены прежнія различія между податными сословіями, допущена свобода промысловъ и торговли; многое изъ этого не существовало въ провинціяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ. Поэтому, и чтобы систему податей привести въ согласіе съ началами, принятыми за основаніе законодательствомъ 1807 — 1812 г., было рѣшено произвести полную реформу финансового законодательства; дѣло это было первымъ, возложеннымъ на образованный тогда государственный совѣтъ.

I. Представленіе графа Бюлова о новомъ тарифѣ.

Графъ Бюловъ, тогдашній министръ финансовъ, представилъ королю, 7-го января 1817 года, новый планъ финансоваго законодательства. Относительно таможенныхъ законовъ министръ предлагалъ уничтожить всѣ внутреннія, между провинціями, таможи и принять одинъ общій тарифъ для ввоза, вывоза и транзита товаровъ. Начала, на которыхъ слѣдовало бы основать эту часть системы налоговъ, по мнѣнію министра, должны заключаться въ слѣдующемъ:

Внѣшняя торговля составляетъ весьма важный источникъ народнаго богатства; поэтому, покровительство ея заслуживаетъ величайшаго вниманія; съ этимъ связаны интересы государственной казны, но они должны быть подчинены интересамъ самой торговли, потому что доходъ возрастаетъ или уменьшается пропорціонально процвѣтанію или упадку торговли. Прежде установленія тарифа необходимо установить систему, которой и слѣдуетъ затѣмъ держаться строго. Уничтожая всѣ препятствія во внутренней торговлѣ, здравыя экономическія понятія требуютъ необходимо предоставленія умѣренной свободы торговлѣ внѣшней. Такое мнѣніе подтверждается и духомъ

повелѣнія 30-го мая 1807 года (*) и послѣдующими распоряженіями; поэтому слѣдуетъ въ законодательствѣ, до торговли и таможенъ относящемся, принять за начало *свободу торговли*; позволить ввозъ, вывозъ и транзитъ всѣхъ товаровъ и принять въ то же время необходимыя мѣры для покровительства національной промышленности, дабы обезпечить ей достаточныя выгоды, сохранивъ право возмездія въ отношеніи тѣхъ государствъ, которыя откажутся отъ взаимности, какъ это сохраняется теперь (1817 г.) въ отношеніи Англіи. Запретительная система, которой держатся Франція, Англія и Россія, не можетъ быть примѣнима къ Пруссіи; для нея транзитъ имѣетъ огромное значеніе. Чѣмъ болѣе свободы, тѣмъ болѣе транзитная торговля пріобрѣтаетъ важности, тѣмъ болѣе доставляетъ выгодъ для государства. Значительный ввозъ развиваетъ торговлю вообще, облегчаетъ вывозъ, оживляетъ туземную промышленность, увеличиваетъ внутренніе и внѣшніе обороты. Это доказываетъ примѣръ Саксоніи и Швейцаріи. Съ тѣхъ поръ, какъ многія, богатая про-

(**) Повелѣніемъ этимъ былъ разрѣшенъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ незанятая непріателемъ провинціи Пруссіи.

мышленностию страны, каковы Вестфалія и Саксонская провинція, присоединены къ Пруссіи, правительство обязано открыть для нихъ новые рынки. Запрещеніе ввоза иностранныхъ товаровъ будетъ имѣть противоположныя слѣдствія, а репрессалии, которыя оно возбудитъ со стороны другихъ государствъ, сдѣлаютъ невозможными всякіе коммерческіе трактаты; иностранная конкуренція не только не будетъ вредить національному труду, напротивъ, будетъ возбуждать его и заставлятъ стремиться къ усовершенствованію своихъ произведеній. Этимъ способомъ провинціи Нижне-Рейнская, Вестфалія и Саксонская увеличили свои производительныя силы. Ихъ мануфактуры, нисколько непокровительствуемыя правительствомъ, умножились, и промышленность ихъ достигла до того, что не только не страшится потерять внутренніе рынки, но въ состояніи, умѣренностию цѣнъ и хорошимъ качествомъ товаровъ, выдерживать соперничество съ Англіею. Со всѣхъ сторонъ являються доказательства, что запретительная система далеко не есть вѣрный путь къ увеличенію производства фабрикаціи, хотя фабриканты стараются увѣрить въ томъ; это естественно: фабрикантамъ легче, хотя съ потерей для общихъ интересовъ, удерживать высокія цѣны на своихъ

произведенія, пользуясь монополією, чѣмъ понижать ихъ, совершенствуя и увеличивая самое производство. Страсть къ монополіи господствуетъ у фабрикантовъ и производителей: какъ только освободили ихъ отъ внутреннихъ стѣсненій, они стали требовать удаленія иностранцевъ съ внутреннихъ рынковъ, чтобы оставить за собою монополію ихъ снабженія.

Далѣе министръ утверждалъ, что поддержанію и успѣхамъ отечественной промышленности, развитію торговли, увеличенію государственныхъ доходовъ болѣе всего будетъ содѣйствовать такое покровительство, при которомъ правительство, допустивши свободу торговли и промышленности, воздержится отъ всякаго произвольнаго въ нихъ вмѣшательства. Перемены въ началѣ и въ способахъ взиманія податей имѣютъ вредныя послѣдствія на промышленность, ослабляя въ негоціантахъ увѣренность въ возможности вѣрныхъ расчетовъ и соображеній. Поэтому, необходимо, при разсмотрѣніи тарифа, изслѣдовать въ подробности каждый предметъ, имѣя въ виду, что, перейдя извѣстную мѣру въ назначеніи пошлинъ, можно пресѣчь источникъ богатства. Что касается до иностранныхъ фабричныхъ издѣлій, назначаемыхъ для внутрен-

няго потребленія, то, по мнѣнію графа Бюлова, тѣ изъ нихъ, соперничество которыхъ не опасно, или которыхъ внутреннее производство ограничено, слѣдуетъ обложить умѣренною пошлиною, въ тѣхъ, между прочимъ, видахъ, чтобы, основываясь на такой умѣренности тарифа, можно было бы требовать отъ другихъ государствъ взаимности при заключеніи коммерческихъ трактатовъ. Предметы, заключающіе въ маломъ объемѣ большую цѣнность, слѣдуетъ обложить тоже небольшою пошлиною, потому что удобство контрабанды такими предметами сдѣлаетъ бесполезнымъ высокій на нихъ налогъ. Тарифъ долженъ быть рассчитанъ такъ, чтобы предметы роскоши могли производиться и внутри страны; если обложить пошлиною въ 10% съ средней стоимости предметы иностранной промышленности, то отечественные фабриканты будутъ имѣть отъ 15-ти до 25-ти % выгоды, что весьма достаточно; ибо государство не можетъ болѣе имъ покровительствовать. Предметы первой необходимости должны быть или освобождены вовсе отъ пошлины, или обложены ею въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Высокія пошлины не приводятъ къ полезнымъ результатамъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ

къ нимъ заставляють прибѣгнуть политическія соображенія, въ видѣ репрессалій.

Надо принять за несомнѣнное, что высокій тарифъ уменьшаетъ доходы государства и увеличиваетъ выгоды контрабанды. Высокій тарифъ равняется запрещенію, увеличиваетъ подлоги и обманы, пріучаетъ публику смотрѣть на контрабанду, какъ на необходимое условіе торговли, заставляетъ и честныхъ людей принимать участіе въ незаконной торговлѣ. Нельзя равнодушно смотрѣть на развращеніе народа, толкая его на ложный путь и подвергая искушеніямъ самихъ агентовъ правительства. Не надо забывать, что нравы сильнѣе законовъ. Здравомыслие требуетъ прежде всего, чтобы они были примирены съ общественнымъ мнѣніемъ, а этого можно достигнуть только умѣренностію и справедливостію.

Иностранная произведенія, относящіяся къ жизненнымъ припасамъ, именно кофе, сахаръ, пряности, можно обложить 30%: эти товары, имѣя значительный объемъ сравнительно съ своею цѣною, неудобны для контрабанды; въ обложеніи ихъ пошлиною можно сообразоваться только съ интересами казны; они потребляются въ большомъ количествѣ массою народа, не составляя

предмета первой необходимости для бѣдныхъ классовъ; нѣкоторые изъ этихъ предметовъ составляютъ даже роскошь у людей достаточныхъ.

Величина предположенныхъ въ проектѣ тарифа пошлинъ была исчислена соразмѣрно цѣнѣ товаровъ; но самое взиманіе предполагалось производить съ вѣса и мѣры, по напередъ составленнымъ упрощеннымъ по возможности таблицамъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію гр. Бюлова, отстраняются ошибки и стѣсненія, неизбѣжныя при взиманіи пошлинъ съ цѣны — *ad valorem*.

Государственный совѣтъ получилъ, 30-го марта 1817 года, повелѣніе отъ короля разсмотрѣть изложенный докладъ министра финансовъ. Согласно учрежденію совѣта, для предварительныхъ соображеній была назначена коммисія изъ 24-хъ членовъ по избранію самого короля. Президентомъ коммисіи государственнаго совѣта назначенъ былъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, занимавшій дотоле высокія дипломатическія должности и по своему образованію и независимости характера стоявшій выше всякихъ притязаній партій, а докладчикомъ — Фризе, пользовавшійся заслуженнымъ уваженіемъ, какъ опытный юристъ и человекъ съ возвышеннымъ взглядомъ на дѣла. Одни изъ членовъ коммисіи извѣстны были, какъ поборники

новыхъ политико-экономическихъ началъ, другіе оставались защитниками старой системы. Король присоединилъ къ комисіи оберъ - президентовъ провинцій; они были обязаны дать мнѣніе объ общемъ духѣ проекта закона, а главное — быть представителями мѣстныхъ интересовъ своихъ провинцій.

Главный вопросъ, касавшійся основанія самой системы торговой политики, далъ поводъ къ одушевленнымъ преніямъ въ комисіи; надо было рѣшить: слѣдуетъ ли удержать прежнюю запретительную систему, или оставить ее вовсе? — Свобода торговли пригодна ли для Пруссіи? Достаточно ли только уменьшить запрещенія, оставивъ ихъ для нѣкоторыхъ предметовъ, или же обложить ихъ столь высокою пошлиною, чтобы она равнялась запрещенію? Если допустить ввозъ всѣхъ товаровъ съ умѣренною пошлиною, то такая система не будетъ ли вредна и даже разрушительна для національной промышленности?

Когда въ публикѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что большинство мѣній склоняется къ допущенію ввоза иностранныхъ товаровъ съ пошлиною въ 10°/_o съ цѣны, то берлинскіе и силезскіе фабриканты обратились съ просьбами объ удержаніи въ силѣ запретительной системы.

Чтобы выслушать всѣ мнѣнія заинтересованныхъ сторонъ, рѣшено было изложенные выше вопросы и поступившія просьбы и записки обсудить предварительно, въ особо составленной *спеціальной* комисіи, подъ предсѣдательствомъ бранденбургскаго оберъ - президента фонъ Гейдебрека, въ которую были приглашены, въ качествѣ экспертовъ, негоціанты и фабриканты. Прежде однакоже изложенія заключенія этой комисіи, для ясности дѣла, необходимо изложить вкратцѣ, каково было прежде 1806 года законодательство объ иностранныхъ товарахъ и какія перемѣны послѣдовали въ немъ во время нашествія французовъ.

II. Прежнія законодательство объ иностранныхъ товарахъ и перемѣны, сдѣланныя въ немъ послѣ 1806 года.

Старая система акцизовъ съ предметовъ потребленія господствовала въ большей части прусской монархіи, въ особенности къ востоку отъ Эльбы. Все, что ввозилось въ города, платило заставную пошлину. Торговля съ иностранцами была стѣсняема различными запрещеніями, и корабли, отвозившіе изъ прусскихъ портовъ хлѣбъ, часто не находили обратныхъ грузовъ. Большая часть

иностранныхъ товаровъ, какъ-то шерстяныхъ, льняныхъ, шелковыхъ, хлопчато - бумажныхъ и проч., были вовсе запрещены къ привозу; другіе, необходимые для потребленія, были обложены при ввозѣ пошлиною отъ 50 до 100⁰/₀ для защиты туземныхъ мануфактуръ отъ иностраннаго соперничества. Въ Вестфалии и на Рейнѣ запретительная система не была такъ строга.

Купцы восточныхъ провинцій запасались товарами три раза въ году, на ярмаркахъ во Франкфуртѣ (на Одерѣ); торговля транзитная была свободна, и русскіе могли мѣнять свои товары на англійскіе, но для контролированія этой торговли и чтобы воспрепятствовать пруссакамъ покупать иностранные запрещенные товары для внутренняго потребленія, было установлено множество формальностей. Покупщики и продавцы должны были снабжать себя свидѣтельствами отъ мѣстныхъ акцизныхъ властей, что покупаемый товаръ—туземный и назначается для внутренняго потребленія. Многія изъ этихъ формальностей не требовались на лейпцигской ярмаркѣ. При всемъ томъ торговля съ иностранцами до 1800 года была весьма дѣятельною, потому что, не смотря на запрещеніе, масса англійскихъ товаровъ входила контрабандою. По жалобамъ берлинскихъ торгов-

цевъ въ 1800 году, былъ запрещенъ привозъ даже транзитомъ на франкфуртскія ярмарки иностранныхъ издѣлій: шелковыхъ, полшелковыхъ и бумажныхъ; съ этого времени торговля значительно упала и въ 1806 году ограничивалась только туземными товарами. Между тѣмъ казенные заводы и мануфактуры получали свободно нужныя имъ иностранныя произведенія; не рѣдко, въ видѣ изъятія, разрѣшалось тоже и для нѣкоторыхъ частныхъ мануфактуръ.

Два обстоятельства измѣнили этотъ порядокъ: занятіе французами Берлина и повелѣнія короля Фридриха-Вильгельма III, во время пребыванія его въ прусской провинціи.

Въ началѣ декабря 1806 г. французскій директоръ финансовъ въ Берлинѣ, Эстевъ (Estève), приказалъ разрѣшить ввозъ французскихъ товаровъ въ Мархіи и во всѣ провинціи Пруссіи, занятыя войсками императора. Это распоряженіе возбудило протестъ со стороны прусскихъ властей, объяснявшихъ: что прусская промышленность не можетъ выдержать соперничества французскихъ тканей шелковыхъ и бумажныхъ, кожъ, тонкихъ суконъ, бумаги писчей, бронзы и металлическихъ издѣлій; что мануфактуры въ Берлинѣ поддерживаются искусственно въ теченіе полувѣка за-

претительною системою, отмѣна которой грозитъ разрушеніемъ промышленности; что 41,000 работниковъ въ Берлинѣ останутся нищими; что можно опасаться смятеній; что, во всякомъ случаѣ, означенное распоряженіе уменьшитъ доходъ отъ акциза, которымъ должны пользоваться французы.

Протестъ этотъ не подѣйствовалъ на французское управленіе, и французскіе товары допущены къ привозу въ Пруссію, съ пошлиною отъ 10 до 40%. Прусское управленіе акцизами принуждено было покориться такимъ распоряженіямъ и запрещеніе съ французскихъ товаровъ снято; больше всего потерпѣли отъ этого берлинскія шелковыя фабрики, а равно и хлопчато-бумажныя, такъ какъ множество англійскихъ котонадъ (хлопчато-бумажныхъ товаровъ) стали ввозить подъ видомъ французскихъ.

Въ то же самое время, повелѣнія прусскаго короля ослабили старую запретительную систему и почти вовсе ее уничтожили. Фридрихъ-Вильгельмъ еще прежде 1806 г. выразилъ однажды свое мнѣніе, что запретительная система представляетъ гораздо болѣе стѣсненій для народа, нежели сколько то требуется интересами государства и притомъ безъ всякой пользы для казны;

ибо часто издержки взиманія превышали получаемый казною доходъ. «Когда я думаю, говорилъ король, что главныя суммы государственныхъ доходовъ взимаются съ предметовъ первой необходимости и когда, съ другой стороны, я замѣчаю, какъ ограничено число этихъ предметовъ, то меня объемлетъ ужасъ при видѣ этихъ фоліантовъ нашихъ тарифовъ». Страшная контрабанда, деморализировавшая народъ, глубоко смущала короля. Еще менѣе онъ могъ оставаться равнодушнымъ къ положенію бѣднѣйшихъ классовъ народа, улучшение быта которыхъ составляло постоянную его заботу. Въ виду лишеній, съ которыми боролся рабочій классъ, поденщики и земледѣльцы, сердце короля, говорятъ историки, обливалось кровью при мысли, что они должны платить дорого за предметы первой необходимости для того, чтобы поддерживать нѣсколько фабрикъ, тогда какъ эти предметы, въ особенности одежду, и дешевле и лучшаго качества можно пріобрѣтать за границею.

Вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, король посѣтилъ прусскую провинцію; пребываніе въ лагерь, въ деревняхъ и малыхъ городахъ привело его въ непосредственныя сношенія съ крестьянами; онъ собственными глазами увидѣлъ ни-

72588
щету этихъ людей, и то, сколько усилій стоило имъ обезпечить пропитаніе своихъ семействъ. Прусская провинція въ особенности страдала отъ запретительной системы, обязанная покупать ткани, выдѣлываемыя въ Берлинѣ, Мархіяхъ и Силезіи, и платить высокія цѣны за товары дурнаго качества, тогда какъ порты Мемеля, Пилау, Данцига были наполнены англійскими кораблями, привозившими отличныя англійскія издѣлія по умереннымъ цѣнамъ, но которыя не могли найти себѣ доступа иначе, какъ заплативши огромную пошлину.

Въ 1807 году, въ Пруссіи оказался недостатокъ въ желѣзѣ и стали, а потому торговые депутаты Мемеля просили у короля разрѣшенія объ уменьшеніи пошлины на означенные предметы.

Спустя нѣкоторое время, негоціантъ Рупель объяснилъ въ просьбѣ къ королю, что многіе товары хотя и не запрещены къ привозу, но обложены столь высокою пошлиною, что она равняется запрещенію; король потребовалъ списка этихъ товаровъ; ихъ оказалось 139 наименованій.

Эти просьбы подали поводъ королю разрѣшить ввозъ не только желѣза и стали, но и другихъ

иностранныхъ произведеній во всѣ провинціи, незанятая непріателемъ, съ оплатою $\frac{1}{12}$ или $8\frac{1}{3}\%$ съ цѣны.

Однѣ изъ провинцій, въ особенности прусская, громко одобряли эту мѣру, другія принимали ее не охотно. Президентъ палаты военной и государственныхъ имуществъ въ Силезіи писалъ: «что производство фабрикъ въ этой провинціи достигаетъ до $6\frac{1}{2}$ м. талеровъ и что $\frac{1}{2}$ м. населенія живетъ этими фабриками; что означенная мѣра полезна въ отношеніи предметовъ недостаточно выдѣлываемыхъ для потребленія Пруссіи, и низшихъ по достоинству и высшихъ по цѣнѣ, но что она вредна для произведеній, вырабатываемыхъ въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества, каковы: льняныя, шерстяныя и обыкновенныя хлопчато - бумажныя ткани, желѣзо, фаянсъ; что промышленность столицы также пострадаетъ отъ свободы торговли, и мысль, что пошлина въ $8\frac{1}{3}\%$ достаточна для покровительства туземнымъ фабрикамъ и будетъ возбуждать въ нихъ соревнованіе выдѣлывать также хорошо и по такимъ же цѣнамъ, какъ за границею, — справедлива въ теоріи, но ложна на практикѣ. Вкусъ къ иностраннымъ товарамъ поддерживается часто предразсудками и спекуляціею, которая находитъ

выгоды въ частой перемѣнѣ модъ. Евреи и торговцы старьемъ умѣютъ искусно пользоваться наклонностію публики къ англійскимъ сукнамъ и голландскимъ полотнамъ и продаютъ сукна грюнбергскія и полотна грейфенбергскія за иностранныя. Извѣстна также политика Англии, которая при помощи огромныхъ премій можетъ поддерживать цѣны на товары столь низко, что соперничество съ ними невозможно. Она не замедлитъ воспользоваться пониженіемъ нашихъ тарифовъ, чтобы убить наши хлопчато-бумажныя мануфактуры. Поэтому полезно систему, обогатившую Пруссію и Силезію, оставить безъ измѣненія до заключенія мира, дабы имѣть возможность зрѣло взвѣснить пользу и невыгоды реформы, также какъ и нужды различныхъ провинцій, и не разрушить того, что еще осталось у нихъ послѣ бѣдствія войны».

Въ Берлинѣ повелѣнія, относившіяся до пониженія тарифа, не были оффиціально опубликованы, но въ то время стали говорить о томъ, что многіе фабриканты, вслѣдствіе этой мѣры, отпустили часть своихъ работниковъ. Тогда государственный министръ Штейнъ, 5-го января 1808 г., разъяснилъ, что распоряженія, сдѣланныя въ исключительныхъ обстоятельствахъ, не должны повлечь за со-

бою измененія всей системы, безъ зрѣлаго ея обсужденія. Такимъ образомъ $8\frac{1}{3}\%$ пошлина удержана была только для прусской провинціи, при соблюденіи условій, наложенныхъ Наполеономъ на англійскіе товары, а старая запретительная система осталась въ Мархіяхъ, Силезіи и Помераніи, не распространяясь однако на товары французскіе.

Не смотря на все это, законодательство въ слѣдующіе годы болѣе и болѣе склонялось къ свободной торговлѣ. Инструкціи, данныя 28-го декабря 1808 года Штейномъ мѣстнымъ провинціальнымъ управленіямъ, рекомендуютъ принять за основаніе—не стѣснять никого въ пользова-ніи его собственностію, его гражданскими правами, его личною свободою.

«Управленіе, — писалъ Штейнъ, — должно сколь возможно благопріятствовать промышленности, и самый полезный въ этомъ отноше-ніи путь — оставить промышленность естественному ея развитію, не покровительствуя ее въ особенности, и не стѣсняя ее до тѣхъ поръ, пока она не вредитъ религіи, нравамъ и государственному устройству. Было бы не согласно съ законами здравой экономіи выводить промышленность изъ этихъ предѣловъ и требовать, чтобы

она была постояннымъ удѣломъ того или другаго класса гражданъ. Независимо отъ свободы *производить*, свобода *торговли* внутренней и внѣшней столь же существенно необходима для общаго благосостоянія. Тѣ отрасли промышленности, которыя въ состояніи держаться собственными силами, возникнутъ тогда сами собою и будутъ именно тѣ, которыя наиболѣе полезны странѣ и наиболѣе соотвѣтствуютъ ея потребностямъ. Ошибочно думать, что для народа выгодно производить самому то, что онъ можетъ получить дешевле отъ другихъ народовъ; излишки приплаты могли бы быть въ этомъ случаѣ употреблены съ большею пользою на другіе предметы; ошибочно также думать, что лучше вовсе ничего не покупать у иностранцевъ, чтобы деньги оставались въ странѣ. Пока государство можетъ продавать свои произведенія, до тѣхъ поръ оно будетъ въ состояніи доставать нужное для него количество золота и серебра; чѣмъ болѣе фабрикантъ увѣренъ въ выгодномъ сбытѣ своихъ произведеній, тѣмъ болѣе онъ будетъ стремиться производить; свобода вывоза точно также есть средство къ отвращенію голода, а не къ причиненію его, какъ о томъ думали доселѣ. Свобода торговли, сверхъ того, возбуждаетъ духъ спеку-

ляціи: купецъ не станетъ спѣшить продавать товаръ свой, видя, что чрезъ нѣкоторое время получитъ большіе барыши, или онъ будетъ выжидать поднятiя цѣны, если товары куплены имъ по цѣнѣ выше обыкновенной; онъ не повезетъ за границу свой товаръ, если имѣетъ надежду продать его дома съ барышомъ для себя. Такимъ образомъ создаются въ государствѣ постоянные запасы и склады, несостоящіе ему ничего; удобные пути сообщенiя и другія облегченiя для торговли привлекутъ быстро произведенiя туда, гдѣ они нужны, гдѣ за нихъ лучше платятъ. Нѣтъ надобности оказывать торговлѣ особое покровительство; достаточно отстранять отъ нея препятствiя; свобода производить и продавать возбуждаетъ наибольшее соревновенiе между производителями, соревнованiе, которое есть лучшей изъ всѣхъ способовъ къ умѣренiю цѣнъ».

— «Управленiя должны имѣть цѣлю не только сохранить ту долю торговой и промышленной свободы, которая существуетъ, но отстранять законными путями, всякое препятствiе и стѣсненiе, которыя остаются доселѣ; вся новая организація мѣстныхъ властей должна бороться противъ предразсудковъ.»

Законы 27-го октября 1810 года, измѣнив-

шіе высшую финансовую администрацію, и эдиктъ о податяхъ на предметы потребленія и роскоши содержатъ тѣ же указанія, хотя выраженные не столь опредѣленно.

Съ началомъ войны 1813 года королевскимъ эдиктомъ изъ Бреслава отъ 20-го марта отмѣнена континентальная блокада въ Пруссіи, открытъ свободный входъ въ ея порты иностраннымъ кораблямъ и запрещенъ ввозъ товаровъ французскихъ; съ иностранныхъ товаровъ взималась только подать потребленія и небольшая таможенная пошлина, какъ было до 1810 года. Это положеніе было только временнымъ и должно было измѣниться, смотря по обстоятельствамъ. Дѣйствительно, огромная масса англійскихъ товаровъ, преимущественно хлопчато-бумажныхъ, скопившаяся во время континентальной системы въ складахъ, хлынула на рынки; фабриканты, между прочимъ, берлинскіе, подняли вопль и наступила быстрая реакція. Главное финансовое управленіе возстановило всѣ ограниченія, бывшія въ силѣ прежде 1806 года.

Графъ Бюловъ, подтвердивъ эти ограниченія, 13-го мая 1815 года, допустилъ однакоже нѣкоторыя исключенія; это возбудило съ своей стороны жалобы, и 27-го января 1816 года доз-

воленъ ввозъ всѣхъ товаровъ съ пошлиною $8\frac{1}{3}\%$, за исключеніемъ котонадъ, дабы уменьшить ихъ наплывъ. Наконецъ въ 1817 году это изъятіе было уничтожено, въ виду новаго обѣщаннаго финансоваго торговаго законодательства.

Всѣ эти перемѣны и колебанія усложнили и безъ того неравное положеніе провинцій. Такимъ образомъ въ Прусской провинціи ввозъ иностранныхъ товаровъ дозволялся съ пошлиною $8\frac{1}{3}\%$, въ Вестфалии съ 6% , а въ въ Рейнскихъ провинціяхъ ввозъ былъ совершенно свободный; въ Помераніи и Саксоніи — съ ничтожною пошлиною; въ Мархіяхъ и Силезіи ввозъ иностранныхъ товаровъ былъ вовсе запрещенъ, но разрѣшенія на полученія ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ давались весьма легко съ $8\frac{1}{3}\%$ пошлины; остальные провинціи сохранили свои старые тарифы.

Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ новаго закона.

III. Мнѣніе большинства спеціальной комисіи.

Въ спеціальной комисіи члены изъ мануфактуристовъ отзывались въ смыслѣ прошеній и требовали сильнаго покровительства, чтобы дать время медленно и постепенно ввести свободу торговли.

Негоціанты, интересы которыхъ противоположны, не высказали рѣшительнаго опроверженія противъ мнѣнія мануфактуристовъ; они только замѣтили, что прусскія шелковыя фабрики не удовлетворяютъ нуждъ потребителей, а фабрики хлопчато-бумажныя не производятъ достаточно разнообразныхъ тканей.

Коммисія, по большинству голосовъ, выразила свое заключеніе въ смыслѣ отзывовъ мануфактуристовъ, т. е. за возстановленіе запретительной системы въ томъ видѣ, какъ она существовала до 1806 года. Вотъ чѣмъ большинство коммисіи подтверждало свое мнѣніе:

1) Правило, что выгоднѣе покупать за границею предметы, выдѣлка которыхъ обходится у себя дорого, было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы шелъ вопросъ о созданіи новой отрасли промышленности; но оно несправедливо, когда дѣло идетъ о *поддержаніи* уже существующихъ заведеній, которымъ угрожаютъ разрушеніемъ обстоятельства случайныя. Это правило справедливо ариѳметически, но несправедливо въ политико-экономическомъ смыслѣ. Отдѣльное лицо, конечно, выигрываетъ, покупая за границею дешевле произведенія какой-либо отрасли промышленности, но государство, заключая въ

себѣ тысячи семействъ, существующихъ этою промышленностью, въ которую затрачены значительные капиталы, не можетъ руководствоваться этимъ правиломъ.

Масса рабочихъ не можетъ въ мгновение ока перемѣнить свои занятія; капиталы не могутъ помѣститься вдругъ, безъ большихъ потерь, въ новыя отрасли промышленности.

2) Справедливость мнѣнія, что уменьшеніе цѣнъ при свободной торговлѣ обратится въ пользу массы потребителей, и въ особенности въ пользу сельскаго населенія, есть только кажущаяся. Фабрикантъ возвышаетъ свои цѣны только потому, что высокая цѣна продовольственныхъ припасовъ возвышаетъ заработную плату; онъ только приводитъ себя въ равновѣсіе съ производителями хлѣба, мяса, пива, сукна, полотна и проч., которые сами увеличиваютъ цѣну своихъ произведеній пропорціонально развитію потребленія, происходящему отъ увеличенія количества рабочихъ. Допустимъ, что изъ Берлина и его предмѣстій уйдетъ вдругъ 30,000 рабочихъ; ужели потеря, причиненная этимъ уменьшеніемъ числа потребителей въ отношеніи къ числу производителей, снабжающихъ столицу припасами, будетъ вознаграждена тѣмъ, что англійскіе товары будутъ покупаться дешевле?

3) Обвиняютъ нѣкоторыя отрасли промышленности въ томъ, что онѣ существуютъ, благодаря запретительной системѣ, поддерживающей ихъ; если будетъ уничтожено запрещеніе, то эти отрасли промышленности, говорятъ, потеряютъ всю ихъ важность. Этотъ упрекъ если и справедливъ, то не на столько важенъ, чтобы изъ-за него было необходимо однимъ разомъ разрушить множество цвѣтущихъ мануфактуръ, дѣлающихъ странѣ честь, питающихъ рабочій народъ, и которыя не могли быть основаны безъ постоянныхъ усилій и полувѣковыхъ жертвъ. Столько труда и результатъ его, цивилизація страны, должны ли отъ этого погибнуть?

4) Говорятъ, что техническое усовершенствованіе, котораго недостаетъ нашей промышленности, не можетъ быть достигнуто безъ иностраннаго соперничества. Примѣръ Англіи доказываетъ противное: эта страна, по преимуществу мануфактурная, возвысилась при помощи запретительной системы; внутренняя конкуренція достаточна для возбужденія соревнованія и успѣховъ въ странѣ, а когда нѣтъ этого соревнованія, то его легко возбудить посредствомъ запрещеній, сохранивъ за собою внутренній рынокъ.

5) Говорятъ еще: свобода торговли выгодна

тѣмъ, что она дѣлаетъ извѣстными и распро-
страняетъ національныя произведенія за границей.
На это слѣдуетъ замѣтить, что такой исходъ мо-
жетъ имѣть мѣсто только тогда, когда всѣ дру-
гія страны, ведущія торговлю съ Пруссіею, до-
пустятъ у себя свободу торговли, и при усло-
віи, что наши произведенія могутъ выдержать
соперничество иностранцевъ въ качествѣ и цѣнѣ.
Къ этому можно присоединить, что Силезія ни-
когда не продавала болѣе полотень, какъ въ то
время, когда прусскія границы были заперты для
ввоза всякихъ иностранныхъ товаровъ.

6) Что касается до той мысли, что свобода
торговли увеличиваетъ какъ доходы казны, такъ
и вообще торговое движеніе, то на это можно
сказать, что свободный ввозъ разрушитъ большую
часть промышленности, лишитъ заработной платы
множество работниковъ и, не говоря о бѣдности
и страданіяхъ, къ которымъ они будутъ приве-
дены, уменьшитъ поступленіе другихъ податей,
такъ какъ потребленіе уменьшится.

IV. Мнѣніе меньшинства спеціаль- ной комисіи.

Меньшинство комисіи составляли два члена:
Кунтъ (Kunth), и согласившійся съ нимъ Массень

(Maassen). Кунтъ, бывшій наставникомъ братьевъ Гумбольдтовъ, былъ въ то время государственнымъ совѣтникомъ и главнымъ директоромъ отдѣленія промышленности и торговли. Въ 1806 г. онъ пользовался полною довѣренностію министровъ Струензе и Штейна, и завѣдывая въ министерствѣ высшимъ управленіемъ дѣлъ экономическихъ, пріобрѣлъ глубокое знаніе о положеніи и нуждахъ Пруссіи; мнѣніе его, изложенное въ обширной запискѣ, основывалось, съ одной стороны, на общихъ началахъ народной экономіи, а съ другой, на выводахъ, извлеченныхъ изъ фактовъ; вотъ краткое извлеченіе изъ этого мнѣнія:

1) По моему мнѣнію, говорилъ Кунтъ, было бы согласно съ правилами здравой экономіи и истиннымъ духомъ законодательства Пруссіи 1807—1812 годовъ, объявить торговлю мануфактурными товарами *свободною* и изъятою отъ всякихъ налоговъ, дабы каждый предпринималъ только то, что обѣщаетъ ему большія выгоды, и чтобы, не имѣя возможности опираться на покровительство, каждый совѣтовался бы съ своими способностями и средствами, прежде чѣмъ пускаться въ промышленныя предпріятія. Число неудавшихся спекуляцій уменьшилось бы отъ этого; Пруссія болѣе нежели какое либо государ-

ство представляет примѣры къ подтвержденію этого мнѣнія. Вотъ наиболее поразительные: въ провинціяхъ, гдѣ господствуетъ свобода, существуютъ богатая мануфактуры, которыя, не пользуясь никакимъ исключительнымъ покровительствомъ, выдерживаютъ борьбу съ частными препятствіями; напротивъ, въ провинціяхъ, гдѣ господствуетъ запретительная система, въ эпоху самаго строгаго закрытія границъ для иностранныхъ товаровъ, не смотря на значительныя пособія со стороны правительства, размѣръ которыхъ превосходилъ все, что дѣлалось подобнаго въ другихъ государствахъ, фабриканты банкротились или останавливали свои работы и вообще никогда не достигали той степени прочности и развитія, на которой стоятъ фабрики въ первыхъ. Въ годы умѣренныхъ пошлинь (1807—1815) множество мануфактуръ возникло, а прежнія усилились и увеличились. Вотъ факты. Что касается до разсужденій, то они не менѣе приводятъ къ тому же заключенію. Если справедливо, что хлѣбъ или кофе выгоднѣе получать изъ заграницы по дешевѣйшимъ цѣнамъ, чѣмъ производить ихъ дорого у себя, то почему же подобное правило не должно быть примѣняемо къ хлопчатобумажнымъ тканямъ или кожамъ? Шелковыя

мануфактуры Берлина, Потсдама, Франкфурта и Кепеника стоили государству въ послѣднія восемьдесятъ лѣтъ около 10 милліоновъ талеровъ; хотя эти фабрики идутъ теперь хорошо, но, очевидно, что деньги, употребленные на пособія имъ, взятыя изъ кармановъ потребителей, могли бы быть употреблены ими гораздо полезнѣе на улучшеніе другихъ произведеній, какъ-то: скота, льна и проч.

Само собою разумѣется, что свобода торговли должна имѣть исключеніе для нѣкоторыхъ предметовъ, смотря по обстоятельствамъ, и притомъ на короткое время, единственно, когда того требуютъ причины политическія.

2) Не было никогда и рѣчи о неограниченной свободѣ торговли; это значило бы броситься изъ одной крайности въ другую. Однако же я думаю, что слишкомъ увеличиваютъ вредъ отъ совершенной свободы торговли; многія страны во все не имѣютъ мануфактуръ въ собственномъ смыслѣ, и то, что производится въ нихъ для ежедневнаго потребленія, не страдаетъ отъ внѣшняго соперничества. Наши большія льняныя, шерстяныя, шелковыя и металлическія мануфактуры вывозятъ за границу значительную массу своихъ произведеній и продаютъ тамъ, не смотря на

конкуренцію англичанъ; отчего же они боятся этой самой конкуренціи на внутреннихъ рынкахъ, гдѣ для нихъ нѣтъ издержекъ ни перевозочныхъ, ни таможенныхъ? Когда назадъ тому десять лѣтъ позволили вывозъ шерсти послѣ запрещенія, продолжавшагося около ста лѣтъ, то также со всѣхъ сторонъ раздавались крики, что вмѣстѣ съ шерстью отъ насъ уйдутъ за границу работники и ткачи! Что же вышло? Туземныя фабрики распространились и стали получать лучшую шерсть съ своихъ овчарень, которыхъ свобода торговли заставила улучшить ихъ произведенія. Большинство общественнаго мнѣнія за свободу торговли, но переходъ къ ней долженъ быть постепеннымъ; ибо несомнѣнно, что при внезапной отмѣнѣ всѣхъ пошлинъ, казна не досчитается многого въ своихъ доходахъ.

3) Въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ или, точнѣе, о размѣрѣ таможенныхъ пошлинъ, надо имѣть въ виду двѣ цѣли: не стѣснять торговли и потребленія, и удовлетворять, на сколько возможно, промышленность національную. Для этого прежде всего необходимо разобрать элементы, отъ которыхъ зависитъ цѣна продукта. Элементы эти слѣдующіе: а) стоимость сырыхъ матеріаловъ;

б) проценты на затраченные капиталы; в) заработная плата и г) чистый барышъ.

Цѣна большей части сырыхъ продуктовъ на всѣхъ почти европейскихъ рынкахъ держится въ одномъ уровнѣ; она и должна быть такою, ибо для фабриканта нѣтъ никакого разсчета пускать въ обработку туземные матеріалы, когда они стоятъ дороже иностранныхъ. Главные сырые продукты, какъ-то: шерсть, ленъ, лёсъ, производитъ сама Пруссія и производитъ ихъ съ выгодною.

Денежный процентъ почти одинаковъ на всѣхъ рынкахъ Европы. Наши мануфактуристы занимаютъ капиталъ по 4%, тогда какъ курсъ 3% англійскихъ фондовъ 60 и слѣдовательно тамъ ходячій процентъ 5.

Что касается до чистаго барыша, то его каждый мануфактуристъ старается получить вездѣ и на столько, на сколько позволяетъ ему конкуренція. Остается заработная плата, которая неодинакова въ разныхъ государствахъ.

Чѣмъ выше цѣна сыраго продукта, тѣмъ меньшую цифру въ цѣнѣ выдѣланнаго товара составляетъ заработная плата. Въ шелковыхъ товарахъ заработная плата составляетъ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$

стоимости сыраго матеріала; въ тонкихъ сукнахъ $\frac{1}{2}$, въ полотнахъ $\frac{1}{3}$, въ хлопчато-бумажныхъ $\frac{1}{2}$, въ кожахъ заработная плата составляетъ едва $\frac{1}{12}$ часть цѣнности сыраго матеріала. Менѣе неравенства въ произведеніяхъ, требующихъ большаго искусства или много времени, какъ напр. въ кружевахъ, или въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ сырой матеріалъ имѣетъ малую цѣнность, какъ напр. въ горшечномъ или писчебумажномъ производствѣ. Во всякомъ случаѣ при установленіи тарифа необходимо изъ цѣны товара вычесть цѣну сыраго матеріала, проценты на капиталъ и барышъ. Такимъ образомъ мы увидимъ, что пошлина дѣйствуетъ въ различныхъ пропорціяхъ, смотря по обстоятельствамъ. Допустивъ однообразную пошлину въ $8\frac{1}{3}\%$ съ цѣны, эта пошлина въ сравненіи съ заработной платою будетъ составлять: въ шелковыхъ товарахъ отъ 25 до 33% , въ тонкихъ сукнахъ 16% , въ хлопчато-бумажныхъ товарахъ 16% , въ кожахъ почти 100% . Изъ этого слѣдуетъ, что въ сравненіи съ тою частію цѣны произведенія, которая составляетъ заработную плату, пошлина представляется гораздо значительнѣею, чѣмъ номинальная ея цифра. Вотъ почему справедливость требуетъ, чтобы пошлины, кото-

рыми облагаются мануфактурные товары, были возможно малы.

Другое слѣдствіе: фабрики, заявляющія, что онѣ не могутъ держаться при покровительственной пошлинѣ въ $8\frac{1}{3}\%$ съ цѣны привозимыхъ товаровъ, произносятъ сами себѣ приговоръ, признавая тѣмъ, что они составляютъ обремененіе для потребителей и для торговли, ибо нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, гдѣ бы стоимость заработной платы была ниже нашей на 12, 16 или 25%.

Допустимъ, что на каждое семейство въ Пруссіи нужно 50 талеровъ для покупки ему фабричныхъ издѣлій; очевидно, что при свободѣ торговли оно можетъ приобрѣсти эти произведенія на 8% дешевле, или истратитъ на нихъ 4 тал. меньше; а какъ въ Пруссіи считается около 2 мил. семействъ, то они несутъ 8 мил. талеровъ налога единственно для поддержанія промышленности. Должно сознаться, что мануфактуристы не могутъ требовать болѣе.

Налогъ выше $8\frac{1}{3}\%$ будетъ вреденъ для торговли и будетъ благопріятствовать подлогамъ. Мануфактуристы предпочитаютъ совершенное запрещеніе дозволенію ввоза даже съ огромною пошлиною. Они думаютъ, что подлогъ труднѣе

преслѣдовать, чѣмъ контрабанду. Это было бы справедливо, если бы подлогъ преслѣдовался въ Пруссіи такъ же, какъ во Франціи, т. е. до самаго потребителя; но этотъ способъ въ Германіи признается ненавистнымъ, и его невозможно привести въ исполненіе. Товаръ, прошедшій чрезъ таможду, считается въ Пруссіи свободнымъ отъ всякаго преслѣдованія. Фабриканты не могутъ требовать для себя гарантіи болѣе той, которую считаетъ достаточною государство для своихъ доходовъ. Самое дѣйствительное средство противъ подлоговъ—умѣренность пошлинъ. Что касается до подлога не прямаго, состоящаго въ объявленіи цѣны ниже дѣйствительной, то самое вѣрное средство избѣжать его состоитъ въ опредѣленіи пошлины по вѣсу и среднему качеству; такимъ образомъ исключаются низшіе сорта, облагается справедливо масса или значительнѣйшая часть ввоза и слегка покровительствуются высшіе сорта, болѣе конечно рѣдкіе, и ввозъ которыхъ контрабандою потому болѣе удобенъ.

4) Опасеніе, что ввозъ иностранныхъ произведеній подорветъ національную промышленность происходитъ отъ неполнаго знакомства съ разсматриваемымъ предметомъ. Если же этотъ страхъ

основателенъ, то онъ лучше всего доказываетъ тщету долговременныхъ усилій правительства, бесполезность жертвъ, принесенныхъ народомъ и логическую необходимость отказаться отъ системы, которая въ замѣнъ столькихъ трудовъ и издержекъ приносила лишь незрѣлые плоды.

Войдя въ подробности о нѣкоторыхъ родахъ промышленности, Кунтъ продолжаетъ:

— Говорятъ, что для работниковъ труденъ переходъ отъ одного производства къ другому; но это справедливо только въ отношеніи работниковъ преклонныхъ лѣтъ. Перемена эта не представляетъ особыхъ трудностей для работниковъ молодыхъ, въ особенности для ткачей, по причинѣ сходства занятій. 25 лѣтъ назадъ, по капризу моды, многія тысячи станковъ, выдѣлывавшихъ шелковый газъ, остановились. Выписали англійскую бумажную пряжу вмѣсто французскаго шелка и тѣ же самые станки обратились къ выдѣлкѣ кисеи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ были тысячи станковъ для льняныхъ тканей, теперь эти же станки обратились къ приготовленію котонадъ. Множество хлопчато-бумажныхъ ткачей въ Берлинѣ работали прежде полотна въ Силезіи или въ Саксоніи.

То же повторилось и въ другихъ провинціяхъ.

Значительный коверный фабрикантъ Шоршмитъ началъ поприще тканіемъ шелковыхъ издѣлій. Подобно людямъ, большая часть станковъ способны къ разнымъ употребленіямъ; точно то же должно сказать о постройкахъ. Во всякомъ случаѣ развѣ есть возможность запретить всякое усовершенствованіе и изобрѣтеніе? Новыя машины, требуя новой выучки, развѣ не оставляютъ множества работниковъ безъ дѣла?

Если есть отрасли промышленности, которыя страшатся быть уничтоженными свободою торговли, то это тѣ, которыя поддерживаются искусственно, лишеныя всякой жизненности: это паразиты, которые живутъ только общественнымъ подаяніемъ, милостынею. Истинная промышленность не боится опасности. Наши большія фабрики и множество малыхъ обогащаютъ ярмарки и не боятся соперничества даже внѣшняго.

Фабрики Рейнской провинціи требуютъ свободы торговли и хорошихъ трактатовъ коммерческихъ; даже берлинскіе фабриканты въ 1807 и 1815 г. доказали, что они не трусятъ: въ 1806 г., во время войны, число ткацко-шелковыхъ станковъ упало съ 1600 до 500 или 400, но потомъ шелковая фабрикація поднялась скоро и выдерживала соперничество съ тканями

французскими; нынѣ, въ 1817 г., шелковая фабрикація занимаетъ отъ 1000 до 1100 станковъ, выдѣлывающихъ болѣе чѣмъ выдѣлывали 1,600 станковъ въ 1806 г.; не должно забывать, что въ то время они работали для $9\frac{1}{2}$ м. жителей, а позже только для половины этого числа. Если принять во вниманіе, что при тогдашней бѣдности промышленность развивалась такимъ образомъ, то нельзя не видѣть всей пользы, какую принесла нашей промышленности соперничество Франціи.

5) Указываютъ на хлопчато-бумажную промышленность, которая будто бы особенно должна пострадать отъ иностраннаго соперничества. Но и здѣсь возраженіе неосновательно: сырой матеріалъ почти на всѣхъ рынкахъ Европы имѣетъ одну цѣну. Морская война можетъ поставить насъ въ затрудненіе, — но это одною изъ причинъ болѣе, чтобы не поддерживать насильственно эту отрасль промышленности. Если ей недостаетъ чего, то это — опытности и знаній. Можно указать на многихъ фабрикантовъ, побѣдоносно выдерживающихъ соперничество англичанъ, и эти-то фабриканты просятъ свободнаго ввоза сыраго матеріала, свободы торговли внутри и пошлины на $8\frac{1}{3}\%$ на мануфактурныя иностранныя произведенія. Оффиціальныя свѣдѣнія показываютъ,

что когда англійскія котонады ввозились беспошлинно въ прусскую провинцію, то во время наибольшей паники, причиненной этимъ соперничествомъ, Берлинъ высылалъ въ ту провинцію значительное количество своихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, подтверждая такимъ образомъ ту истину, что продажа національныхъ произведеній увеличивается отъ иностраннаго соперничества. Въ 1805 году бумажно-ткацкихъ станковъ считалось 4,307; тогда было совершенное запрещеніе на иностранныя котонады; позже, не смотря на войну и ея бѣдствія, не смотря на иностранное соперничество, число работавшихъ станковъ было 3,837, т.-е. на 407 меньше чѣмъ въ 1805 году. По точнымъ свѣдѣніямъ въ послѣдніе годы, за исключеніемъ транзита въ Россію и Польшу, ввозилось въ Пруссію англійскихъ котонадъ на 400,000 талеровъ; если исключить по малой мѣрѣ половину этой суммы на цѣну сыраго матеріала, на проценты, на капиталъ и на барыши фабрикантовъ, то останется 200,000 на заработную плату. Вотъ все, что потеряла Пруссія; уже ли такая ничтожная сумма можетъ подорвать нашу промышленность, и слѣдуетъ ли упускать изъ виду на сколько это соперничество подняло ее? Англійскія котонады

высшихъ сортовъ дороги; въ низшихъ сортахъ наши фабриканты имѣютъ достаточно выгоды, чтобы выдерживать соперничество. Можетъ случиться однако, что это соперничество принудитъ нашихъ фабрикантовъ улучшить ихъ машины и заставить часть ткачей, оставя Берлинъ, переселиться въ деревни: такія событія нельзя считать зломъ.

6) Одна отрасль торговли, внутренняя, не можетъ процвѣтать, если находится въ упадкѣ внѣшняя. Наибольшее количество прусскихъ товаровъ продавалось на ярмаркахъ во Франкфуртѣ на Одерѣ именно въ то время, когда ввозились товары англійскіе, русскіе, и пр. Впослѣдствіи отъ запретительной системы франкфуртская ярмарка такъ пострадала, что серьезно думали ее закрыть; разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ оживило снова этотъ огромный рынокъ, и замѣчательно, что обороты произведеніями туземными увеличились гораздо болѣе, чѣмъ обороты товарами иностранными. Такъ въ 1814 году привезено было изъ-заграницы товаровъ 8,879 центнеровъ и 11,107 въ 1817 г.; слѣдовательно увеличеніе было какъ 100: 125; туземныхъ же товаровъ привезено въ 1814 году 1,929 тюковъ, а въ 1817—3,218,—пропор-

ція увеличенія 100: 166. То же самое замѣчено и на лейпцигской ярмаркѣ.

7) Въ этомъ пунктѣ Кунтъ доказываетъ невыгоды, проистекающія для большаго города отъ скопленія въ немъ въ значительномъ количествѣ бѣднаго населенія, и выражаетъ свое мнѣніе, что правительство не должно искусственно отвлекать рабочихъ изъ деревень, гдѣ жизнь дешевле и удобяѣе.

Угрожаютъ, говоритъ онъ, эмиграціею; но государство, уважающее себя и имѣющее добросовѣстныя намѣренія, должно быть выше подобнаго опасенія, которое, впрочемъ, въ отношеніи къ Пруссіи не имѣетъ никакого основанія. Рейнская провинція и Вестфалія населены сильно и умноженіе мануфактуръ желательно тамъ на столько, на сколько отъ этого можетъ уллучшиться быть жителей. Противъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что свобода торговли разовьетъ эмиграцію изъ Пруссіи, Кунтъ приводитъ тотъ фактъ, что значительная часть рабочихъ въ рейнскихъ провинціяхъ суть пришельцы изъ Австріи—отечества по преимуществу всякаго рода запрещеній.

Послѣ многихъ другихъ доводовъ, которые долго было бы приводить здѣсь всѣ, Кунтъ выражаетъ окончательно свое мнѣніе такъ:

Для благосостоянія Пруссіи надо желать, чтобы въ ней была допущена полная свобода торговли; но въ настоящее время и общественное мнѣніе, и отчасти интересы казны противъ такой неограниченной свободы; поэтому надо избрать среднюю мѣру, допустить ввозъ иностранныхъ товаровъ, обложивъ ихъ пошлиною; но пошлина эта должна быть умѣренною, ибо дѣйствіе ея и безъ того будетъ велико. Въ настоящее время, когда изученіе фактовъ разъясвило многое, не страшатся уже за промышленность вообще; тѣмъ менѣе возможно страшиться за хлопчато-бумажную промышленность въ особенности. Чѣмъ болѣе свободы для торговли, тѣмъ болѣе расширяется сбытъ для туземныхъ произведеній.— Весьма желательно, чтобы ткачи, работающіе плохо въ Берлинѣ, мало-по-малу оставили его; угроза эмиграціею совершенно напрасна.—Лучшіе элементы хорошей фабрикаціи — образованіе и достаточно развитой вкусъ въ народѣ.—Тому и другому содѣйствуетъ иностранное соперничество.—Котонады можно на нѣкоторое время обложить и высшею пошлиною нежели другіе товары; но надо въ тоже время приискать средства къ отстраненію тѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствій, какія будутъ отъ этого для большихъ

торговыхъ городовъ. Если правительство намѣрено обратить серьезное вниманіе на жалобы фабрикантовъ, то прежде еще надо выслушать мнѣніе опытныхъ торговцевъ. — Въ томъ случаѣ, впрочемъ весьма мало вѣроятномъ, если бы нѣкоторое число ткачей осталось безъ работы, правительство можетъ придти къ нимъ на помощь и занять ихъ на время другимъ способомъ, но запретительная система тутъ не поможетъ ни сколько, она только усилить зло.

Мнѣніе двухъ членовъ, котораго сущность мы изложили, подано было 25-го мая 1817 года, и вмѣстѣ съ заключеніемъ большинства спеціальной комисіи, о которомъ сказано выше, передано въ комисію государственнаго совѣта.

IV. Заключение комисіи государственнаго совѣта.

Когда мнѣнія большинства и меньшинства спеціальной комисіи поступили въ комисію государственнаго совѣта, то поданы были новыя записки отъ фабрикантовъ противъ свободы торговли. Въ одной изъ нихъ авторъ, въ подтвержденіе необходимости устранить свободу торговли, указывалъ на излишество свободы политической. Общество, говорилъ онъ, не можетъ существо-

вать безъ пожертвованія личной свободы; безграничная свобода не можетъ быть совмѣстна съ обязанностями гражданина; рядомъ съ филантропическимъ чувствомъ, восходящимъ до мысли о благосостояніи всего человѣчества, возникаетъ чувство болѣе умѣренное—чувство національности; нельзя упускать этого изъ виду въ вопросѣ о свободѣ торговли, и напрасно будутъ прибѣгать здѣсь къ холоднымъ арифметическимъ расчетамъ. Еслибы Европа составляла одно семейство, то свободная торговля была бы возможна; но пока будутъ отдѣльныя государства, живущія каждое отдѣльною своею жизнію, и управляющіяся различными законами и обычаями, вопросъ: «что полезнѣе для человѣчества», долженъ быть подчиненъ вопросу: «что полезнѣе для моего отечества?»

Гофманъ, ученый директоръ статистическаго бюро въ Берлинѣ, доказывалъ съ своей стороны, что запретительная система создала безчисленныя препятствія для торговли, не обезпечивши болѣе благосостоянія рабочаго класса. Въ 1800—1805 годахъ ему было поручено отъ правительства изслѣдовать положеніе отъ 600 до 800 семействъ ткачей, которымъ правительство помогало выдачею дровъ для отопленія ихъ жилищъ.

независимо отъ выгодъ запретительной системы, — и онъ нашель, что эти семейства спали на соломѣ и не имѣли одежды для своихъ дѣтей. Въ Саксоніи, напротивъ, правительство не вмѣшивалось ни во-что и фабричные комиссары свидѣтельствовали, что мастера и рабочіе находились тамъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ даже берлинскіе; довольство ихъ было обезпечено до того, что нѣкоторые имѣли возможность дѣлать весьма значительныя сбереженія.

Оберъ-президенты провинцій съ своей стороны заявили въ комисіи, что общественное мнѣніе, выражаемое въ огромномъ большинствѣ отзывовъ, требуетъ впуска иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ съ умѣренною пошлиною, для покровительства отечественной промышленности.

Комисія единогласно признала важность покровительства отечественной промышленности въ видахъ сохраненія рабочему классу его заработковъ, предоставленіе производителямъ и потребителямъ ближайшихъ рынковъ и, наконецъ, удержанія въ странѣ капиталовъ, затраченныхъ въ фабрики. Съ другой стороны, комисія находила необходимымъ облегчить внѣшній сбытъ мануфактурныхъ произведеній, выдѣляемыхъ для заграничнаго сбыта, и для этого освободить ихъ

вовсе отъ отпускныхъ пошлинъ, дозволить свободный ввозъ иностранныхъ сырыхъ произведеній и, наконецъ, допускать пошлины на сырыя туземныя произведенія на столько, на сколько это не можетъ вредить отечественнымъ производителямъ. Но относительно средствъ достигнуть изложенныхъ цѣлей въ комисіи произошло разногласіе. Два члена подали голосъ за запретительную систему, какъ простѣйшее и вѣрнѣйшее средство охранить внутренній рынокъ противъ превосходства иностранцевъ въ капиталахъ, искусствахъ и болѣе сходныхъ цѣнахъ на сырые матеріалы, присовокупивъ къ тому, что, во всякомъ случаѣ, строгая справедливость требуетъ держаться запрещенія въ отношеніи тѣхъ государствъ, въ которыхъ запрещено ввозъ прусскихъ товаровъ.

Но 22 члена выразили мнѣніе противное, именно:

1) Что начало торговой свободы должно быть принято и удержано вездѣ и всегда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда чрезвычайныя обстоятельства потребуютъ временнаго ограниченія или запрещенія.

2) Что къ числу этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ не слѣдуетъ относить нужду въ покровительствѣ національной промышленности,

такъ какъ таможенная пошлина, которую предполагается установить, достаточна для того, чтобы туземная промышленность могла выдерживать соперничество съ иностранною.

3) Что правительство поступило бы несправедливо въ отношеніи массы народа, установивши еще запрещенія въ пользу фабрикантовъ; что запрещенія развращаютъ народъ, возбуждая въ немъ страсть къ незаконной наживѣ, увеличиваютъ цѣну всѣхъ потребляемыхъ фабричныхъ издѣлій, и наконецъ уменьшаютъ чрезъ то сбытъ произведеній національныхъ.

4) Что запретительная система приноситъ пользу не промышленности вообще, а только, — и это необходимо имѣть въ виду, — интересамъ нѣкоторыхъ фабрикантовъ и мануфактуристовъ; интересамъ массъ гораздо болѣе благопріятствуетъ свобода торговли, потому что она дешевле снабжаетъ сырыми продуктами и орудіями производства.

5) Что свобода торговли доставляетъ средства находить выгоднѣйшіе для сбыта рынки.

6) Что она предоставляетъ промышленности слѣдовать естественному ходу, тогда какъ запрещенія совращаютъ ее съ этого пути, направляя капиталы и рабочихъ къ такимъ отраслямъ

фабрикаціи, которыхъ не допускаетъ необходимое равновѣсіе между различными затратами капиталовъ.

7) Что иностранное соперничество заставляетъ фабрикантовъ постоянно трудиться надъ усовершенствованіемъ своихъ произведеній, дабы не остаться позади своихъ соперниковъ.

8) Что было бы не логично, если бы правительство, не прибѣгая ни къ какимъ запретительнымъ мѣрамъ для поощренія производства сырыхъ матеріаловъ, которые составляютъ главный источникъ народнаго дохода, прибѣгало бы къ этому средству для производствъ гораздо менѣе значительныхъ.

9) Что опытъ доказываетъ, что умѣренныя пошлины гораздо вѣрнѣе защищаютъ промышленность противъ иностраннаго соперничества, чѣмъ запрещенія.

10) Что самое географическое положеніе Пруссіи благопріятствуетъ свободѣ торговли, тогда какъ политическія обстоятельства противятся запретительной системѣ.

11) Что наконецъ надо убѣдиться въ томъ, что промышленность только тогда стоитъ твердо и приноситъ дѣйствительную пользу обществу,

когда она может существовать, не смотря на соперничество иностранцевъ.

Обратившись къ размѣру пошлинъ, коммисія приняла за основаніе анализъ цѣнъ товаровъ, представленный Кунтомъ, и заключила, что такъ какъ покровительство должно относиться главнымъ образомъ къ національному труду и какъ прочіе элементы стоимости мануфактурныхъ произведеній почти тѣ же и въ другихъ странахъ, то пошлиною въ 8% иностранная работа обложится отъ 25 до 30% и даже болѣе, и тѣмъ предоставится значительная выгода прусскимъ рабочимъ, плата которымъ вообще менѣе чѣмъ напр. англійскимъ рабочимъ; справедливо конечно, что величина и совершенство англійскихъ машинъ, уменьшая число рабочихъ, вознаграждаетъ эту разность, но не надо забывать, что огромность капиталовъ, нужныхъ на устройство этихъ машинъ, изглаживаетъ неравенство.

V. Окончателное рѣшеніе дѣла о тарифѣ государственными советомъ и королемъ.

Государственный советъ, послѣ долгихъ разсужденій, принялъ, большинствомъ 53 противъ 3-хъ голосовъ, заключеніе коммисіи, и въ слѣдъ

затѣмъ кабинетнымъ повелѣніемъ 1-го августа 1817 года было объявлено:

«Что свобода ввоза иностранныхъ товаровъ съ умѣренной пошлиною будетъ служить впредь основаніемъ торговаго законодательства Пруссіи».

Когда утверждено было это начало, то комисія и затѣмъ государственный совѣтъ, приступили къ разсмотрѣнію подробностей тарифа и признали, что иностранныя произведенія, потребляемая непосредственно, какъ то: сахаръ, кофе, вино, табакъ и пряности можно облагать пошлиною въ какомъ угодно размѣрѣ, не опасаясь большой контрабанды и подлоговъ; что мануфактурныя произведенія, для покровительства туземной промышленности, достаточно обложить среднимъ числомъ 10°/_o пошлиною съ цѣны, допустивъ для нѣкоторыхъ только товаровъ и высшую пошлину; что ввозъ сырыхъ продуктовъ, потребныхъ для мануфактуръ слѣдуетъ или вовсе освободить отъ пошлины, или взимать ее въ самомъ незначительномъ размѣрѣ; что туземныя сырыя произведенія должны быть при вывозѣ вовсе освобождены отъ пошлины.

Когда было кончено разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей тарифа, то возникъ вопросъ: достаточно ли ограничиться таможеннымъ надзоромъ на грани-

цахъ государства, или, слѣдуя старой системѣ, допустить преслѣдованіе подозрительныхъ товаровъ даже внутри государства? Большинствомъ голосовъ рѣшено принять въ этомъ отношеніи за начало:

Что контрабанда и вообще подлоги въ торговлѣ всего успешнѣе отвращаются умѣренностію пошлинъ, простотою таможенныхъ обрядовъ и наконецъ честностію гражданъ.

И потому, для отвращенія стѣсненій, слѣдуетъ ограничиться надзоромъ на таможенной линіи, не подвергая никакому затѣмъ преслѣдованію иностранные товары внутри государства.

Для таможенной службы признано необходимымъ избирать людей безъукоризненной честности, обезпечить ихъ содержаніе достаточнымъ жалованьемъ, и, устранивъ обычай давать извѣстный процентъ съ суммы за конфискованные товары, сдѣлать ихъ службу почетною, открывъ имъ путь къ возвышенію и наградамъ. Для поддержанія порядка, быстроты и дисциплины признано необходимымъ принять военную организацію.

Разсмотрѣнный такимъ образомъ и исправленный въ государственномъ совѣтѣ проектъ тарифа, представленный министромъ финансовъ, утвержд-

день королемъ 26-го мая 1818 года и получилъ съ тѣхъ поръ силу закона. Главныя основанія его были: начало умѣренной свободы торговли, позволяющее ввозить и продавать всякаго рода произведенія, сырыя или мануфактурныя (*); полная свобода вывоза товаровъ; обложеніе иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, среднимъ числомъ, 10° пошлиною; взиманіе пошлины съ вѣса, мѣры и по-штучно; отстраненіе всякихъ стѣсненій или огривиченій торговли внутри государства; пересмотръ тарифа чрезъ каждые три года.

Прусскій таможенный тарифъ въ теченіе 15-ти лѣтъ, со времени его введенія, не оставался безъ измѣненія: со многихъ предметовъ отпускной торговли сложена пошлина вовсе; на нѣкоторые ввозные товары пошлина увеличена; улучшена классификація товаровъ; наконецъ, отъ удешевленія товаровъ вообще самая средняя норма 10°/_o пошлины на мануфактурные товары сдѣлалась выше. При заключеніи Таможеннаго Союза въ него должны были войти государства, промышленныя интересы которыхъ не совпадали

(*) Запрещены были ко ввозу только соль и игральныя карты.

во многомъ съ интересами Пруссіи; но, въ виду главной и важнѣйшей цѣли, препятствія были устранены взаимными уступками и прусскій тарифъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, былъ принятъ Таможеннымъ Союзомъ. Въ свою очередь, и тарифъ Таможеннаго Союза былъ пересматриваемъ нѣсколько разъ и, вслѣдствіе того, во многомъ усилено покровительственное его направление, хотя онъ вообще не переставалъ быть вѣренъ либеральнымъ началамъ прусскаго тарифа.

VI. Послѣдствія таможенной системы, принятой Пруссіею съ 1818 года.

Чтобы видѣть послѣдствія экономическихъ реформъ въ томъ числѣ и принятой въ 1818 г. Пруссіею таможенной системы, обратимся къ сравненію положенія хозяйства и промышленности въ 1831 году съ положеніемъ ихъ въ 1806 году, слѣдуя въ этомъ отношеніи выводамъ Дитерихи (*). 1831 годъ былъ послѣднимъ предъ заключеніемъ таможеннаго союза; 1806 годъ былъ послѣднимъ предъ наступленіемъ раздробленія Пруссіи и угнетенія ея военнымъ деспотизмомъ На-

(*) Der Volkswohlstand im preussischen Staat. 1846.

полеона. Вотъ почему эти два года избраны для сравненія.

Въ трехлѣтіе, 1829—1831 г., среднимъ числомъ, сборъ разныхъ *хлѣбовъ* въ Пруссіи составлялъ на 13—14 мил. шефелей болѣе, чѣмъ въ 1805, не смотря на то, что пространство Пруссіи въ этомъ году было болѣе на 347 кв. миль, чѣмъ въ 1831 г.

Потребленіе *пива* осталось почти то же, но за то увеличилось потребленіе *водки* отъ 0,29 ведеръ (1805 г.) до 0,65 в. (1831) на человѣка и *винограднаго вина* отъ $\frac{3}{4}$ кварты до $2\frac{1}{2}$ кв., слѣдовательно въ отношеніи 100:333.

Потребленіе *табаку* въ 1831 году составляло 3,6 фунта на человѣка, и, слѣдовательно, увеличилось противъ 1805 г. въ пропорціи 100:220.

Рису потреблялось въ 1805 г. $\frac{1}{8}$ фунта, а въ 1831 г. $\frac{1}{2}$ ф. на человѣка; увеличеніе 100:253.

Потребленіе *сахара* составляло въ 1805 г. не болѣе $1\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, а въ 1831 г.— 5 ф.; въ 1802 году было въ Пруссіи только 14 рафинадныхъ заводовъ, въ 1831 г. ихъ считалось 64.

Кофе въ 1805 г. потреблялось $\frac{2}{3}$ ф., а въ 1831 г.— $2\frac{1}{4}$ ф. на человѣка.

Потребленіе *пряностей* составляло въ 1805 году 3 гроша на человѣка, а въ 1831 г.— $3\frac{1}{2}$ гр.; но не надо забывать, что въ 1805 г. пряности были гораздо дороже, и, слѣдовательно, потребленіе въ 1831 г. было гораздо значительнѣе показаннаго выше.

Потребленіе *соли* осталось почти то же.

Индиго ввозилось въ Пруссію въ 1805 году 1,037 центнеровъ, а въ 1831 г.—5,206, то есть въ пять разъ болѣе.

Шерстяная промышленность приняла огромные размѣры. Съ разрѣшеніемъ вывоза шерсти, хозяева обратили особое вниманіе на распространеніе и улучшеніе овцеводства, которое сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства; количество и цѣна шерсти увеличились значительно. Въ 1805 г. производство шерсти простиралось до 24.000,000 фунт., на сумму 3.440,000 талеровъ, а въ 1831—свыше 29.000,000 ф., на сумму 13.000,000 т.; фабрики производили шерстяныхъ издѣлій въ 1805 г. на 14 м. тал., а въ 1831—на 29 мил. тал.; изъ этой послѣдней суммы половина

получалась отъ иностранцевъ за сбываемыя имъ ткани.

Внутреннее потребленіе *льняныхъ издѣлій* увеличилось въ пропорціи 4:5, а вывозъ возросъ на $\frac{1}{3}$; одного *столоваго бѣльа* вывозилось въ 1831 г. слишкомъ на 6 м. тал.; общее увеличеніе льняной промышленности было въ пропорціи 100:156.

Хлопчатой бумаги и издѣлій изъ нея Пруссія въ 1805 г. покупала на 577,000 талеровъ; въ 1831 году она купила *хлопка* на 785,000 т. и *пряжи* на 4.941,000 т., а всего на 5.726,000 т.; выдѣланныя изъ этого издѣлія, среднимъ числомъ, стоили 19.662,000 т.; изъ того числа вывезено за границу на 1.209,000 т. Число ткацкихъ станковъ возрасло отъ 7,325 (1805 г.) до 25,464. Фабриканты, во время преній о тарифѣ, говорили, что доступъ англійскихъ котонадъ подорветъ ихъ промышленность, и изъ уваженія къ этимъ опасеніямъ была установлена покровительственная пошлина въ $12\frac{1}{2}\%$, тогда какъ они просили совершеннаго запрещенія. Приведенныя цифры доказали всю неосновательность ихъ опасеній.

Шелковыхъ издѣлій въ 1805 году вывозилось изъ Пруссіи на 300,000 тал., а въ

1831 году отпущено за границу на 6.506,000 тал. и полушелковых на 1.160,000 т. Ввозъ, напротивъ, былъ весьма незначителенъ. Такимъ образомъ опасенія берлинскихъ фабрикантовъ, выраженные ими въ 1815 году, не оправдались.

Потребленіе *кожъ* возросло въ пропорціи 3:5.

Минеральныхъ произведеній добывалось:

	1805 г.	1831 г.
Металловъ на	1.400,000 т.	3.832,000 т.
Горючихъ ве-		
ществъ	488,000 т.	2.803,000 т.
Солей	353,000 т.	1.606,000 т.

Обороты *внѣшней торговли* простирались въ 1831 году по ввозу и вывозу до 140 м. талеровъ, то-есть болѣе чѣмъ вдвое противъ ежегодныхъ оборотовъ отъ 1800 до 1805 г.

Независимо отъ этого, транзитная торговля приняла огромные размѣры: въ 1831 году транзитомъ провезено товаровъ чрезъ Пруссію на сумму до 104 м. талеровъ.

Исчисляя всѣ предметы потребленія сравнительно съ народонаселеніемъ, Дитерици приходитъ къ заключенію, что вообще благосостояніе народное къ 1831 году увеличилось какъ 3:5 или на 66%. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, совершился переходъ отъ лишеній и даже нищеты почти къ доволь-

ству, ибо нельзя, конечно, отвергать, что еще и въ 1831 г. оставалось въ народѣ много нужды и бѣдности. Причина такой благопріятной перемѣны заключалась въ томъ, что отстраненіемъ невѣрно понимаемаго попечительства правительства, предоставленіемъ каждому свободно развивать свои способности, возбуждена была сильная энергія во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ условіяхъ жизни, дано разумное направленіе труду и въ то же самое время пріобрѣтенія труда охранялись правымъ судомъ и честною администраціею.

Сравненіе положенія Пруссіи въ 1805 и въ 1831 году можетъ возбудить возраженіе въ томъ отношеніи, что въ эти двѣ эпохи составъ государства былъ не одинъ и тотъ же. Южная Пруссія и часть восточной, отошедшая въ составъ царства Польскаго, заключавшія 2.306,886 жителей, на пространствѣ 1,775 кв. миль, — не входили уже въ составъ прусской монархіи; и эти страны не могутъ быть сравниваемы съ вновь пріобрѣтенными провинціями: Саксонскою, Рейнскою и Вестфальскою, заключавшими 5.179,000 душъ на 1,305 кв. миляхъ. Могутъ сказать, что присоединеніемъ этого пяти-милліоннаго населенія, богатаго и промышленнаго, объясняются успѣхи нами указанные.

Нельзя не признать такого замѣчанія отчасти справедливымъ. Безъ сомнѣнія, часть улучшеній должна быть отнесена къ тому, что провинціи болѣе населенныя, болѣе промышленныя и болѣе богатая замѣнили собою провинціи, экономическій бытъ которыхъ былъ менѣе развитъ. При всемъ томъ, страны, входившія въ составъ прусской монархіи въ обѣ эпохи, какъ-то: Мархія, Померанія, Силезія, восточная Пруссія, сдѣлали также значительные успѣхи. Въ подтвержденіе такого заключенія, Дитерици приводитъ данныя объ увеличеніи въ этихъ провинціяхъ съ 1816 по 1831 годъ народонаселенія, скотоводства и особенно руннаго, числа ремесленниковъ, ткацкихъ станковъ, фабрикъ и протяженія шоссейныхъ дорогъ.

Д. А.

(Изъ №№ 308, 309 и 310-го «Русск. Инв.»).

Дозволено цензурою.

С.-Петербургъ, 10-го ноября 1867 г.

Въ Военной Типографіи.

(Въ зданіи Главнаго Штаба).

1867.

